

Министерство культуры Самарской области
и Самарская областная писательская организация
представляют в проекте
«Народная библиотека Самарской губернии»
книгу

Татьяна Кижайкина

*Любить
и полнить*

Стихи

Русское эхо
2015

Кижайкина Т.В.

К 38 Любить и помнить: Стихи. — Самара: Русское эхо, 2015. — 128 с.

ISBN 978-5-9905721-8-8

Член Союза писателей России Татьяна Вениаминовна Кижайкина — автор книг «Любить, надеяться, прощать», «Куда ты отсюда, родненький», «Томыловская дорожка», «Вчерашний дождь». «Любить и помнить» — пятая книга стихов, написанных в последние годы.

Главная героиня её стихов — простая русская женщина, которой нелегко бывает в нашем изменяющемся мире. Но именно она своей жизнью, на первый взгляд незаметной и обыденной, не жалуясь, не претендуя на лидерство, способна внести свою малую лепту в то, чтобы мир стал совершеннее, человечнее: тёплым словом, слезами, улыбкой, а порой даже участливым взглядом. От Бога данные ей способности рождают, созидать, усмирять и являются той отправной точкой, которая ведёт к гармонии в отношениях между людьми, к природе, братьям нашим меньшим. И как бы ни тяжёлый был груз, женщина не рошется. Ибо Господь не даёт не по силам.

Т.В. Кижайкина живёт и работает в городе Чапаевске Самарской области.

* * *

К небу тянутся звёздные реки,
След знакомый растаял во мгле.
Словно травка степная, навеки
Прирастаю к родимой земле.

Станет радостно мне или плохо,
Но я буду любить и тогда
До последнего самого вздоха
Эти вёглы и эти стога,

И на речке затерянный омут
С отражённою синью небес,
И лугов предрассветную дрёму,
И снегами завьюженный лес,

Тишину отдалённых погостов,
Деревень затаённую грусть,
Всё, что, может, зовётся и просто,
А для сердца волнующе — Русь!

ЗАВЕТНОЕ СЛОВО

Моему деду Савелию посвящаю

С потемневшего старого фото
Дед всегда улыбается мне.
Мы же редко в делах и заботах
Вспоминаем о прошлой войне.

Но я мысленно снова и снова
Обращаюсь, коль горе-беда:
— Дед, скажи мне заветных два слова,
Хоть не знала тебя никогда.

Сколько новых пришло поколений
Со времён той далёкой войны.
Ты меня не держал на коленях,
Не берёг мои детские сны.

И не гладил шершавой ладонью
Шёлк девчоночьих русых волос.
А душа моя плачет и стонет,
Хоть никто и не видит тех слёз.

Мне терять в своей жизни не ново,
И летят, словно листья, года.
Я беднее на эти два слова,
Что не скажешь ты мне никогда.

* * *

Шёпот ветра. Паутинки.
В травах прячется роса.
По степи бежит тропинка
И уводит в небеса.

Дремлет ночь в объятьях сада,
Месяц — сторож над рекой,
И звезда — как будто рядом:
Хочешь, тронь её рукой.

Утром птицы-непоседы
Кружат с криком над жнивьем.
Жили здесь отцы и деды,
А теперь и мы живём.

И не можем по-другому —
От земли родной вдали.
Ведь не зря грустят по дому
На чужбине журавли.

СТЕЗЯ

Готовы посох и сума,
Пора уже идти по свету,
А те, кто выжил из ума,
Любили тоже землю эту.

Её задумчивую грусть,
Лесов предзимнюю тревогу.
А что не сладилось — и пусть!
Мы все под Небом и под Богом.

И каждому — своя стезя,
Свои падения и росты,
Но забывать никак нельзя
Дождём омытые погосты,

Небес лазурный окоём,
Озёр хрустальную прохладу.
Покуда на земле живём,
Любить и помнить это надо.

ДЯДЯ ВАНЯ

Умер нынче дядя Ваня.
Он по должности — пастух,
Был в войну когда-то ранен,
Но имел могучий дух.

Стадо пас у самой речки,
Кое-как и ел, и спал,
Но зато язык овечек,
Видно, с детства понимал.

Нрав знал каждой и повадки,
Им не нужен был и кнут.
Только крикнет: «Стройсь, солдатки!»—
Тут же все к нему бегут.

Ели всё с его ладошки,
Что достанет из сумы.
Не дожил совсем немножко
Он, сердешный, до зимы.

В небе звёздочки, как свечи,
Вечной тайной манят ввысь,
А в лугах степных овечки
Дядю Ваню заждались.

* * *

Всерьёз не думала, конечно,
Да и не время было мне,
Зачем живу на этой грешной,
На этой праведной земле!

Своими мир слепив руками,
Легко обманываться — мой.
Так отчего на сердце камень
Ношу и летом, и зимой?

Тот камень — плод моих фантазий
И боль несбывшихся чудес.
Не раз меня спускали наземь
С высот волнующих небес.

Но будешь сыт ли только хлебом?
И солнцу радуясь, и мгле,
Душа всё время просит неба,
А корни держат на земле.

* * *

Шорох листьев о чём-то вещает
На притихшем речном берегу,
А я снова кого-то прощаю,
Но простить всё никак не могу.

С лёгким сердцем с минувшим расстаться,
И в объятьях небес синевы
Раствориться в волнительном танце
Опадающей наземь листвы.

И терзаясь сердечной истомой,
Не свою искупая вину,
Я бросаюсь в пленительный омут
И в тебе, моя осень, тону.

Неразлучная с этим вовеки,
Я сюда неизменно вернусь,
Где студёные синие реки
Пьют деревьев осеннюю грусть.

* * *

Все перечёркнуты страницы,
И упакован чемодан.
Ещё немного, и умчится
Мой поезд в город Магадан.

Иль далеко отсюда, в степи,
Где птицы солнечно поют,
И здешний люд неспешно лепит
В веках историю свою.

Где не пугливы птичьи стаи
И травы ластятся к ногам.
Куда бегу — сама не знаю,
К каким пристану берегам?

А, может, лучше было б вовсе
Билеты взять на край земли,
Где всех оплакивает осень
От суеты людской вдали?!

Все отмету, как сор, помехи,
Никто не встанет на пути.
Наверно, просто — взять уехать,
Но от себя нельзя уйти.

Сгорело где, да не остыло,
От грусти тоненьких берёз
И от того, что было мило
И будет дорого до слёз.

* * *

И зачем свою жизнь я гублю
Среди чуждых привычек и люда,
Когда тихо, по-детски, люблю
Я крестьянскую хватку и удаль?

Речку Мочу, губашевский мост
И луга, что скосили под бритву,
И церквушку, и старый погост,
И от скорбей душевных молитву.

Я люблю, как шумит детвора,
И в цветастом убранстве иконы,
В этих избах и этих дворах
Русский дух, неподдельно-исконный.

Оттого на душе и светло:
Нет нигде такой дали и сини,
И живёт в моём сердце село
Отголосками прежней России.

* * *

Бежать от Родины негоже,
Она ж не мачеха, а мать,
Земля утешит и поможет,
Подарит сердцу благодать,

Девичьих песен отзвук дальний,
Что тихо за душу берёт,
Ведь в них живёт многострадальный,
Перевидавший всё народ,

Который строил, ладил, сеял —
Исконно здешний, а не гость.
У каждого своя Расея
И свой оплаканный погост,

Бренчанье вёдер у колодца,
Реки изгибы да степняк.
Без нас Россия обойдётся,
А мы без Родины — никак!

* * *

Может, просто сдали нервы —
Ни мертва и ни жива.
Век жестокий, двадцать первый,
Всё забрал в свои права.

Наступил молчанья голод,
Разорвавший все табу,
И фальшивит чей-то голос
С перекрашенных трибун.

А вождей из бронзы с улиц
Расстреляли — «пиф» и «бах»,
Сотни раз перевернулись
Все, лежащие в гробах.

А страна впадает в кому
От грядущих перемен,
Ничего не зная, кроме
Зла, предательств и измен.

И стоит уныло между
Зыбким завтра и сейчас,
А Господь глядит с надеждой
И тревогою за нас.

* * *

В тарелке хлеб, селёдка, сыр,
И круг друзей, и пара песен,
А в остальном весь этот мир
Стал мне давно неинтересен.

Его декреты, строй и вождь,
Пинки, гримасы и занозы,
А на окне вчерашний дождь
Похож на высохшие слёзы.

А те, кто выживет из нас,
Иуд вокруг увидят сами.
И лишь травинка не предаст,
Что неразлучна с небесами.

Кто на последнем рубеже,
Тому легко, предельно ясно.
Тогда не страшно всё уже,
Лишь начинающим опасно.

* * *

Зачем вы поёте нездешние песни
С застывшей улыбкой безжизненных глаз?
А умерший день непременно воскреснет,
И всё на земле повторится не раз.

Измены, печаль, поцелуи Иуды
И искорки света на гребне волны.
Так, может, забыли, кто мы и откуда,
И в мире подлунном зачем рождены?

А утром, развеяв ненастье и стужу,
Задьшит надеждой обугленный лес,
И солнце нырнёт в задремавшие лужи,
Чтоб клеить осколки разбитых небес.

* * *

Бьётся ветер — удар его хлёткий:
Оголяет деревья, кусты,
И стоят сиротливо берёзки,
Застыдившись своей наготы.

А листва, по дорогам кочуя,
Отгуляет последние дни:
То под лавкой она заночует,
То закружит — поди, догони!

Только век её нынче короткий.
Парк дождями косыми умыт.
Все вокруг беззащитны и кротки
В ожидании скорой зимы.

И журавушкам больше не спится:
Долог путь предстоит впереди.
От земли отрываются птицы,
Как от мамкиной дети груди...

* * *

Может, правда, оплакивать поздно,
Изливаясь в последней строке,
Тусклый берег, горошины-звёзды,
Утонувшие в сонной реке,

И деревню, и суетный город,
Мутных луж на дорогах круги
И беззлобного деда Егора,
Что вернулся с войны без ноги.

Он в избёнке один коротает
Жизни горькой отпущенный срок.
Журавлей улетающих стаи,
Путь которых суров и далёк,

И пустые оглохшие гнёзда.
Но в преддверии скорой зимы
Всё становится будто бы поздно,
И такие несчастные мы!

* * *

Тая неясную тревогу,
Как будто вымерли леса.
И снаряжённые в дорогу
Тоскуют птицы в небесах.

А с приближением морозов
Их дни здесь вовсе сочтены...
Лишь белоствольные берёзы
Навек с землёй обручены.

Не находя от грусти места,
Помахут птицам веткой вслед,
Передавая бессловесный,
Последний Родины привет.

* * *

Не отреклась и не забыла,
Не посылала «к чёрту» вслед,
И потому не стал постылым
И через много, много лет.

И вот пришёл. Зачем, откуда?
Свечи волнуется огонь,
Но плакать я уже не буду
В твою шершавую ладонь.

К моим ногам надежды бросил,
Свои успехи и чины,
Но я сказала: «В мире осень,
И мы с тобой обречены».

Чуть-чуть подрагивают руки,
По полу стелешь стылый взгляд.
Шаг от любви и до разлуки.
Кто виноват, кто виноват?

Не застонал и не ответил,
Лишь сухо выстрелила дверь,
А мне — возрастать между отметин
И поле горестных потерь.

* * *

Буду и стоном, и вздохом,
Тихим свеченьем в ночи,
Только когда тебе плохо,
Ты не молчи, не молчи.

Если подружится ветер
С буйной твоей головой,
Справимся, милый, и с этим,
Нам же сие — не впервой.

К чёрту пустые забавы,
Внутрь покаянье впусти.
День от сомнений избавит,
Ночь ничего не простит.

Рвётся, где хрупко и тонко,
Страшно в объятьях огня,
Что ж ты глазами ребёнка
Смотришь опять на меня?

Старые вскроются раны,
Будто проломы в стене.
Вновь, отрешённый и пьяный,
Ты дорожаешь в цене.

Настежь все окна и дверцы —
В лапы слепящей пурги.
Я своё глупое сердце
Не отдаю на торги.

Пусть разбиваются реки,
Небо исчезнет во мгле,
Мне — испокон и на веки
Мир твой беречь на земле.

ДОЖДЬ

Я скажу тебе: «Стой, подожди!»
Ну, зачем убираешь ладони?
Бьют по окнам слепые дожди,
Город в лужах безропотно тонет.

Досидимся до лучшей поры.
Посмотри, как исхлёстан прохожий.
Стали наши дома и дворы
На Венецию чем-то похожи.

А за городом залитый лес
Безнадёжно укрытия ищет.
Это всё — по веленью небес,
Чтобы мир стал светлее и чище.

Ты помедлил в дверях, не ушёл,
В ночь последний троллейбус умчался.
Нам грустится вдвоём хорошо,
Лишь бы дождь никогда не кончался.

* * *

В поступках я и ты — вольны.
Но в чём же дело?
Мир, что когда-то был цветным,
Стал чёрно-белым.

За лесом — чёрная река,
И тёмной стаей
Плывут по небу облака,
Куда — не знают.

Да всё равно, наверно, им.
А сердце стынет...
Тот чёрный цвет, он стал моим,
Моим отныне.

И чёрный снег, и чёрный свет,
И чёрный берег...
Тебя давно со мною нет,
А я... не верю.

* * *

Нет, не простая
штука — жизнь,
Что соткана
из тьмы и света,
Поди, попробуй
удержись
Да будь счастливою
при этом.

Я всё смотрю,
как лунный свет
Скользит по глади
сонной речки,
А звёзды в небе
столько лет
Горят, как в храме
Божьем свечки.

И пусть мне
прошлого не жаль —
Я рада вновь
дождю и зною,
Но в сердце
давняя печаль
Так и не выплакана
мною.

* * *

Ни в чём не будем зарекаться,
Ведь утро вечера мудрей.
Сейчас без четверти двенадцать
И ночь дежурит у дверей.

Давай пошлём её подальше,
Засветим множеством огней,
И, может, меньше станет фальши:
При свете лгать всегда трудней.

Пройдешь, неслышно сядешь в угол,
И с головы спадёт платок,
А я увижу, как испуган
На шее тонкой завиток.

* * *

...Осень рыжим махнула хвостом —
Мечет листьями, словно стихами...
Нет, я снова пишу не о том,
Что петлёю сомкнуло дыханье.

Голос слышится с дальних сторон
И дробится на горькие «ахи»,
Может, это безудержный стон
Иль мои полуночные страхи?!

Я не знаю, что будет потом,
И не помню, как было вначале,
Только снится и снится мне дом
Нашей светлой любви и печали.

Не прогнать, словно кошку, беду,
Вот и жизнь догорает, как свечка.
— Хочешь, милый, к тебе я приду
И умру на ступеньках крылечка?!

* * *

Нашей встречи узорные нити
Я из памяти вязкой сотру.
Мне улыбку в бокалы плесните,
Чтоб не мёрзнуть одной на ветру.

Шаль накину на зябкие плечи,
Изнуряя себя ворожкой.
Может, станет хоть чуточку легче,
Что не грежу отныне тобой.

Как нарыв, расплзается нежность,
Днём и ночью, в поту и бреду
Я лечу и лечу в неизбежность,
Словно поезд на полном ходу.

* * *

Оглох давно уже причал,
В реке лишь тонет неба просинь.
Зачем ты тихо постучал
В мою заплаканную осень?

Пожмёшь плечами. Это — жизнь,
Где с каждым днём плотнее тени,
И лист на веточке дрожит
За миг до вечного паденья.

Прошелестит о чём-то дождь,
И всё покажется как прежде.
Но что ты ищешь здесь и ждёшь —
Глоток оттаявшей надежды?

Заплачет горестно хрусталь
И, всколыхнув напиток звёздный,
Протяжно выдохнет: «Как жаль!..» —
Чтобы услышать: «Поздно, поздно!»

В неуловимом «нет» и «да»
Всё наше медленно потонет,
И ты исчезнешь навсегда,
Испив тепло моих ладоней.

И потому на много лет
Мне, вдруг окутавшейся в пламень,
Останется далёкий свет —
Слезами выжженная память.

СТАРАЮСЬ БЫТЬ Я ТВЁРДОЙ

Стараюсь быть я твёрдой, как скала,
А жизнь — сплошной неммыслимый экзамен.
Мир отразили молча зеркала —
Кто эта женщина с печальными глазами?

В невозмутимом шёпоте берёз
Сменяют ночи долгие рассветы.
На сотни «кто» помножился вопрос,
Где навсегда затеряны ответы.

Гладка вода, как лезвие ножа,
Теснятся лодки зябко у причала.
Нет ничего грустнее — провожать,
Ещё нелепей — всё начать сначала.

И потому надежда так мала,
Как будто свет, что вдруг навечно замер.
Мир отразили молча зеркала,
Где только женщина с печальными глазами.

* * *

Межсезонье, межсезонье...
Хмурых дней пришла пора.
Не согреть уже ладоней
У потухшего костра.

Перевернута страница.
Подвожу опять итог.
Всё смешалось: даты, лица —
В грусти пройденных дорог.

Мир твой больше не нарушу,
Не вернусь уже назад,
Сиротливо смотрят в душу
Поздней осени глаза.

* * *

В листьях берёз, в запустелом саду
Розовый прячется вечер.
Крылья сложив, я к тебе упаду
Птицей усталой на плечи.

И умолю у судьбы перерыв —
Может, не так ещё поздно?
В небо взмывают за счастьем орлы,
Прямо к негаснущим звёздам.

Мне ль за орлами угнаться теперь,
Можно ли быть непокорной?
Если, устав после долгих потерь
Держат земли моей корни:

Вётлы, река и угрюмый погост,
Поле, пронзённое светом.
Коль и любила я небо до слёз —
Ах, как давно было это!

* * *

«Её он бросил, точно бросил!» —
Об этом лишь и говорят.
Дождь за окном аллею косит
Который день уже подряд.

Осиротевши и уныло
Глядят озябшие кусты.
Что стало с нами и что было,
То знаем только я и ты.

Всем остальным какое дело:
Нет у людей своих забот?
А боль свербит тихонько слева,
Словно воробушек клюёт.

ЮРА ТАТЬЯНЕ

Среди вечной земной круговерти,
Через день или месяц, как знать,
Ты придёшь в мои сны после смерти,
И я буду грустить и вздыхать,

Вороша нашу жизнь, словно сено,
Как дрова в раскалённой печи,
И ничто, кроме треска полена,
Тишину не нарушит в ночи.

Наблюдая за искрами света
И разнузданной пляской огня,
Вдруг почудится голос твой: «Где ты,
Как живёшь, дорогой, без меня?»

И, вплотную приблизившись, тени
Одиночества сузят кольцо.
Обхватчу я руками колени,
Свет огня упадёт на лицо,

Где застынут, как звёздочки, слёзы.
Только дней не нарушится бег,
Над тобою же хрупкие розы
Припорошит заботливо снег.

БАБКА НАСТАСЬЯ

Бабку старую Настасью
Хоронили всем селом
И, как водится в несчастье,
Помянули за столом.

Застучали скорбно ложки,
И, обычай есть такой,
Все пригубили немножко,
Так сказать, за упокой.

А потом... забили ставни,
Дверь закрыли на замок,
Чтоб, коль нет хозяйки славной,
В дом войти никто не смог.

Грабли ржавые и косу
Отнесли в соседский дом.
Нынче нет на это спросу,
Всё сложили «на потом».

Её скромные пожитки
Завязали в узелок,
И на ветхие калитки
Тоже сладили замок.

Зарастёт во двор тропинка
Лопухом и лебедой.
Городская дочка Нинка
Быстро смирится с бедой.

И шепнёт на утро яшень:
— Значит, так тому и быть!
Только старый пёс Настасьин
Будет долго в небо выть.

* * *

Памяти мамы посвящается

Всё непременно близится к финалу,
Метели стихнут, и растает лёд,
А нам всегда чего-то в жизни мало,
До счастья полного чуть-чуть не достаёт.

Ругаем зимы и дождливость лета,
Не рады солнцу, сумеркам и мгле
И забываем, как хрупка планета,
И что мы только гости на земле.

Ещё вчера светились в доме окна,
Где мамы жизнь, как тоненькая нить,
А нынче мир из слёз и скорби соткан,
И ничего уже не изменить.

Придёт рассвет с тоскою листопада,
Закрутят снова нужды и дела,
А мне на свете большего не надо —
Ещё б немного мама пожила!

* * *

Друниной

Не засветятся ночи лунами
Той, чей холоден судный час.
Кто услышит поэта Друнину,
Кто спасёт от ошибки Вас?

И от шага неотвратимого
До своей роковой черты?
Не судите же, други мнимые,
И закуйте безмолвьем рты.

Где же был он, с глазами инока,
Когда ночи, как волки, злы?
Если, если б случилось иначе,
Но вязались петлёй узлы.

Бытия закрутились лопасти
Так, что стали пути узки.
И... уже Вы у края пропасти
От смертельной своей тоски.

Не засветятся ночи лунами.
Тяжек крест, но его нести!
Не спасли мы поэта Друнину,
И прости её, Бог, прости!

ОТЦУ

Я мыслями спешу опять
В тот день вчерашний.
— Пап, было страшно умирать
Или не страшно?

Молчит осиротелый дом,
Оглох и ветер,
И будто вымерло кругом
Всё в целом свете.

И ты не скажешь, как всегда:
— Ну, здравствуй, Таня!
Я знаю, легче никогда
Мне, нет, не станет.

Ты не вернёшься — жди, не жди,
Угасло пламя.
Размоют вешние дожди
Могильный камень,

Продолжив рядом на крестах
Свой скорбный танец.
А вдруг твоя на небесах
Душа — скиталец?

Хоть нам сие не по уму,
Болят сердечко.
— Там, Боже, папе моему
Найди местечко

И в милости не откажи,
И в благодати,
Ведь всё в руках твоих — и жизнь,
И смерть, Создатель.

* * *

В прошлом всё и желанно, и мило,
И, вернувшись в родное село,
Вижу я, как кресты и могилы
На погосте совсем замело.

Здесь отец похоронен и мама
Обрела свой надёжный приют.
Берегла вас, наверное, мало,
Эти мысли и ранят, и жгут.

Будут плакать от счастья другие,
Затеряется солнце во мгле.
Как же страшно без вас, дорогие,
Жить на этой угрюмой земле!

* * *

Я грустить понапрасну не буду,
Мысли-птицы запрячу в тетрадь.
Жизнь, известно, — хрустальное чудо,
И её так легко потерять.

Не с горы, не с высокого моста
Синевы не коснутся небес.
Жить бы всем и спокойно, и просто,
Как озёра, травинка и лес,

Золотая осенняя вьюга
С морозящим певучим дождём.
И жалеть неустанно друг друга,
Зная, зная, что скоро уйдём.

СТАРИКИ

— Ты что, родимый, говоришь?
И так уж тошно,
Ведь нам с тобой осталось лишь
Жить только прошлым,

Где нету бедных и больных
И нет убогих,
А люди от роду вольны,
Где много Бога,

Где мы ещё не за чертой,
А день — как вечность,
И мир вокруг не золотой,
А — человеческий,

И кони бродят по степи,
Звезда в окошке...
А ты возьми-ка да поспи,
Поспи немножко.

Я свет тихонько потушу:
Нам сон — отрада,
И больше, миленький, прошу,
Не плачь, не надо!

Я под иконой помолюсь
За нас, за грешных,
За деток, внуков и за Русь
Ещё, конечно!

— Пошли, Господь, рабу, рабе
Покой под крышей!
А шёпот в маленькой избе
Всё тише, тише...

ВНУКУ ЯРОСЛАВУ

Это радость великая наша,
Словно звёзды столпились у ног:
У дочурки моей, самой старшей,
Ненаглядный родился сынок.

Он аукает, гулится или
Ртом пускает всю ночь пузыри.
Мама нежно расправила крылья
И воркует над ним до зари.

Только мир этот не был бы зыбким,
Чтоб без войн подрастали сыны.
Наше солнце качается в зыбке,
Видит добрые-добрые сны.

Пусть за окнами дождь и ненастье,
На душе и легко, и светло —
Знаю точно теперь, пахнет счастье
Материнским грудным молоком.

* * *

Памяти мамы посвящается

Весь мир объяла тишина!
И тьму в оконце
глютаю, сторблена спина,
И нету солнца.
Ладони, сжавшие виски
почти до хруста:
штрихи из прошлого, мазки,
и пусто, пусто...
И мыслей сплавленный клубок.
Одна, как выстрел,
как клинок,
что бьёт так быстро,
и перевёрнут потолок.
Ищу приметы и шаги,
врастая в землю.
Узлы неверия туги,
совсем не внемлю тому,
чего не изменить
теперь, и всё же...
Но жизни — порванная нить
по воле Божьей.
А неизбежность как стена.
Чернеет яма,
И точит давняя вина:
«Прости нас, мама!»

* * *

Кто завтра уходит, Бог весть,
Так радуйтесь солнцу и маю.
Что было, что будет и есть —
Всё, Господи, я принимаю.

Смирив непослушную плоть,
И в путь — далеко ли, далече?
Не даст не по силам Господь,
И зря не ропщи, человече.

А нам бы мужать и расти
Под сенью вселенского сада
И всех непрощённых простить,
И помнить: так надо, так надо!

* * *

Нас время и било, и мяло,
Нам головы ветер студил,
И что-то с тех пор отрыдало
В душе у меня и в груди.

Поблекло, смешалось, угасло,
Хромает стреноженный конь.
А нужно лишь капельку масла,
Чтоб ожил в лампадке огонь.

Затеплились светлые Лики,
Даруя небес благодать,
Чтоб мир, озверелый и дикий,
По-детски заплакал опять.

* * *

Михаилу Анищенко

Не печалься, зачем, человек,
Верь, каштаны цветут в декабре.
— Что за бред, — засмеются. Отвечу:
«Это самый прекраснейший бред!»

Все, как есть, мы Господние дети,
И началу не будет конца.
Ходит, ходит в миру добродетель
И не прячет в потёмках лица.

Собирает слезинки в ладони,
А ночами плетёт кружева,
Оступается, падает, тонет,
Но покуда доселе жива.

Ей — ничто восхваления груды
И невежества хлёткая плеть,
Хоть и жгут поцелуи Иуды,
Заслоняя небесную твердь,

Но свершилось. Оставлено тело.
Не гляди с сожаленьем назад.
Покидая земные пределы,
Стало легче хоть чуточку, брат?

* * *

Только б не упасть, не оступиться,
Двигаться вперёд не напролом.
Кто там, в небе, облако иль птица
Машет на прощание крылом?

Много ли осталось до причала,
Где и ветры бесприютны, злы?
Всё, что было пройдено вначале,
То связалось в памяти узлы,

Накрепко, до времени, до срока.
Их не разрубить, не разорвать.
И следит за всем Господне Око,
Как за чадом неразумным мать.

* * *

Ничего в этой жизни не держит,
Бьёт копытом заждавшийся конь.
Только искра угасшей надежды
Превратится однажды в огонь.

Всё не вечно, и схлынут печали,
Словно снежный подтаявший ком.
Помнить буду, как грело вначале,
И забуду, что стало потом.

Будет так? Да, наверное, будет,
Хоть гадая, нельзя угадать.
Но на то мы, конечно, и люди,
Чтоб надеяться, верить и ждать.

И мечтать до последнего вздоха,
До сердечной истомы в груди.
Даже если сегодня мне плохо,
Но всё лучшее ждёт впереди!

УЛЕТЕТЬ БЫ

Улететь бы на остров, ничей,
Где коней удалых не стреножат,
Где звезда утомлённых ночей
Так на грусть мою чем-то похожа.

Где сгорают всерьёз и легко,
Мыслей-птиц выпуская на волю,
И ромашки густым молоком
Тихо льются по жаркому полю.

Где заря, победившая мрак,
Небеса алым цветом полощет,
И разрушить, что было не так,
Чтобы жить и понятней, и проще.

ВОПРОСЫ

Вопросы! Кто их разберёт,
Как узелки тугие.
И мир совсем уже не тот,
И мы теперь другие.

Когда секунды, как века,
А жизнь — одно мгновенье,
С порханьем в поле мотылька
И ветра дуновеньем.

С глухим безмолвием полей,
Лесов неспетой песней
И с криком грустным журавлей
В далёком поднебесье.

И, покружив в последний раз,
Заплачут птичьи стаи.
Как будто знают что о нас,
Чего и мы не знаем.

Пусть всё ломая и круша,
Ползут по свету тени.
Но так же трепетна душа,
И там — без изменений.

ДЕТСТВО

Я балерина в пышной пачке,
И на макушке белый бант,
Но у меня всё рвать и пачкать
Врождённый, видимо, талант.
Гуляю по двору беспечно,
Вдруг Сашка бьёт в плечо: «Привет!»
И я немедленно, конечно,
Даю достойнейший ответ.
Он стал каким-то очень нервным,
Как получил удар в живот.
Кому же быть в сраженье первым,
Никто не знает наперёд?
Тут прибежали Глеб и Ленка,
Ведь наша драка не пустяк!
Горит разбитая коленка,
Под глазом светится синяк.
Хоть и мала пока что ростом,
Себя в обиду я не дам.
Но жаль, закончилось всё просто:
Нас растащили по домам.
Я не иду — ещё немножко!
Сама же по уши в грязи.
А мама смотрит из окошка
И тихо пальчиком грозит.

* * *

Потонут звёзды в сумеречной мгле
И растворятся в вечности минуты.
Стою на солнцем выжженной земле,
Глотая грусть последнего приюта.

Снуют ветра в оврагах и лугах
По бездорожью, зарослям и кочкам.
Какой же прок в немислимых торгах,
Коль предстоит губительная точка?

Когда уже разорваны табу,
Оплаканы от края и до края
И страшно знать, что скоро упаду
В пяти шагах от призрачного рая.

* * *

И я жила, топтала вёрсты,
Всё второпях, всё на бегу.
И там давно остались вёсны,
На позабытом берегу.

И больше некого бояться,
И не осталось, что терять.
Играют судьбами паяцы,
А мне наскучило играть

Своей. И что поделать:
Не в счёт ни золото, ни чины,
То чёрной краскою, то белой
Мы красить жизнь обречены.

И так с рожденья до финала.
Художник, ты на краски скуп!
И откровенья краснотала
Не обожгут волненьем губ.

* * *

Он падших духом убеждал
И рвал сердца на половины,
Но зрела кровная вражда
Среди виновных и невинных.

Вставал рассвет, беду суля,
И брат уже не верил брату,
И стыла голая земля,
Где колосилась рожь когда-то.

Немели, выдохшись, ключи,
И, отрешённые от Бога,
Осиротелье, ничьи
Бродили люди по дорогам.

Они скитались, не таясь,
И каждый нёс под сердцем камень,
И истончалась с миром связь,
Хранима долгими веками.

Когда ж однажды благодать
Сошла с ликующего неба,
Народы смели возжелать
Лишь только зрелища и хлеба.

А в воцарившийся бардак
Не нужен выбор: либо-либо,
И это был последний шаг
В неотвратимую погибель.

* * *

А мне давным-давно не тридцать,
И далеко за сорок пять,
Пора б уже остепениться
И книгу Вечности листать.

Что предсказания и знаки,
Когда живу не по уму —
Сочувствую чужой собаке
И горько плачу над Муму.

И, раскрывая настежь сени,
Деревьям радуюсь, траве,
Зверьё, как пел поэт Есенин,
И я не бью по голове.

Машу, прощаясь, птичьим стаям
И света луч ищу во мгле.
Вот так живу, живу и таю,
Как снег вчерашний, на земле.

* * *

Мир доселе не изучен,
И куда ещё расти?
Кто истерзан и замучен,
Кто с рождения в чести.

В детстве все качались в зыбке,
А теперь глядеть — тоска:
Вместо солнечной улыбки
Артистический оскал.

Так живём вот и мельчаем,
Ждём, что новый день сулит,
Где три шага до печали
И где царствуют нули.

Тени тянутся по следу,
Не искрится Божий свет.
Дорога, как хлеб, победа —
Побеждённых только нет.

* * *

И кто это всё пророчит
И гонит взахлёб коней?!
Становятся дни короче,
А ночи теперь длинней.

И снег не по срокам ляжет,
Где ветры колючи, злы,
Услужливо память свяжет
Все слёзы мои в узлы,

Стирая мгновенья, лица.
Никто не окликнет: «Стой!»
И счастье — ручная птица
Не спустится на постой.

Итожу по чьей-то воле
И «нет» слышу там, где «да»,
Что ж, сыграны, видно, роли,
И... занавес, господа!

* * *

Деревья, поле и траву
Люблю, насколько хватит силы,
Но будто вовсе не живу,
А лишь прощаюсь с тем, что мило.

С чем не порвать уже родства.
И я привычной грусти внемлю,
Тому, как кружится листва
И опускается на землю,

Как лодка медленно плывёт,
Как след её бесследно тает,
Рябины зреет горький мёд,
И в небе птиц тревожны стаи.

Им улетать не навсегда
И через время возвратиться
Туда, где стылая вода
Бежит вдогонку вольным птицам.

А через много, много лет
Весной опять цветенье будет,
Да только пламенный рассвет
Встречать придут другие люди.

И потому зачем сейчас
Про жизнь нелепые вопросы,
Когда озёра тёплых глаз
Глодают звёзд горящих россыпь?!

* * *

Давний грех — не сор в дому,
Чтоб кидать его за двери,
Он ни сердцу, ни уму
Не подвластен в полной мере.

Может, шутит со мной бес
Иль видение спросонок,
Но глядит в упор с небес
Нерождённый мой ребёнок.

Жизнь его, как плач свечи,
Как неначатая повесть.
Что ж ты маешься в ночи,
Моя раненая совесть?!

* * *

Что ж ты замер, словно пень,
Прислонив лицо к оконцу!
Глянь, как розовый олень
На рогах качает солнце.

И летят, летят вперёд
Золочёные копытца.
Всё в свой срок произойдёт,
Что должно однажды сбыться,

И что полнит жизнь всегда
Изначальным тайным смыслом.
Ах, осока, лебеда,
Чугунки да коромысла!

Нам не тужится вдвоём.
Снег кругом, как будто вата.
Так вот, милый, и живём
От рассвета до заката.

* * *

Зачем ты плачешь у плетня?
Уж на исходе наше лето.
Как нету дыма без огня,
Так и без боли нет поэта.

Плетёт из небыли молва,
Но ни на шаг не ближе к устью!
Откуда тянутся слова?
Они идут от тихой грусти,

От слёз, нечаянных утрат,
Мечты несбывшейся, вчерашней.
А жизнь — безумная игра,
Где платит кровью проигравший.

* * *

Кругом овраги да откосы,
Репьи, бурьян и суховей.
Неразрешимые вопросы
Теснятся злобно в голове.

Опять оборваны страницы
Измен, предательств, жалких дат,
И нелегко остановиться,
Вернуть всё лучшее назад.

А, может, это и неважно,
Когда три шага до беды.
И тонет парусник бумажный,
Едва коснувшийся воды.

Но, разрубая стоном воздух,
Пустив по венам страх, как ток,
Свет разглядеть ещё не поздно,
Пригубив истины глоток.

* * *

А в голове — сплошной обвал:
Роятся мысли, словно осы.
Легко срываются слова,
С трудом решаются вопросы.

В итоге — горсточка золы
Там, где, казалось, всё — в начале,
И каждый раз острее углы,
И неизбывнее печали.

Кто вы, не ждущие венца,
Не уличённые в подмене,
С неотвратимостью конца
И неизбежностью падений?

Презрев достаток и чины,
Идей и помыслов титаны,
Все, как один, обречены
На муку вечную скитаний.

Вздохнёте тихо: «О-хо-хо!» —
На замутившиеся воды.
От неоплаканых грехов
Созреют горестные всходы.

* * *

Разыскать бы затерянный остров,
Где в меня ещё верят и ждут.
Там мои отгоревшие вёсны
Обретут свой надёжный приют.

И где плещется пламень восторга
И души затаённая грусть,
Где не будет ненужного торга,
Когда светом последним прольюсь.

Где, встречая сердечно и просто,
Не меняют друзей на рубли.
Неужель не отыщется остров,
Заблудились давно корабли?

Среди смут, позолоты и фальши
Не пробиться искринкам огня,
Да и остров всё дальше и дальше
С каждым годом теперь от меня.

* * *

А этот маленький причал
Для ожидающих участия
И есть начало всех начал —
Приют потерянного счастья?

Иль продолжение игры,
Что, может, выдумали сами,
Где одинокие миры
Глядят потухшими глазами

На то, как дальняя звезда
Глощает пыль седых столетий?
Как утомительна езда
Дорогой горестных отметин

Больших потерь, где жизнь — вода
От жарких грёз и до остуды,
Почти в неведение — куда
И невозможности — оттуда!

* * *

Птахе, слывшей самой певчей,
Крикнули: «Молчи!»
И всё думали, как легче
Птицу приручить.

Дали зёрен, дали хлеба,
Нежит шёлк-трава,
Но вспорхнула птица в небо.
И была права.

Возвращать назад не стали
К сытым и глухим.
От неё в гнезде остались
Пёрышки-стихи.

Кто пера коснётся, будет
Чистым, как роса.
И с тех пор с надеждой люди
Смотрят в небеса.

* * *

Уже не помню,
 где была я,
Уже не знаю,
 чем живу.
Как птица, брошенная стаей,
Я мну пожухлую траву.

Себе наматываю вёрсты —
Отрезки лет, а может, дней.
Не закричать совсем не просто
Среди бушующих огней.

Я не зачахла, не ослепла
И ни за что не сдамся впредь,
Пусть даже стану кучкой пепла,
Где должно заживо сгореть.

* * *

А когда ещё не было поздно,
Вся в обрывках неясной тоски,
Я смотрела, как падают звёзды,
Утопая в тумане реки.

И в предчувствии скорого чуда,
Выбиваясь из всяческих сил,
Я искала, искала повсюду
След далёких, небесных светил.

Там, где грело и где не остыло,
Вновь рождался обугленный лес.
Это было со мной, это было:
Тихо падали звёзды с небес.

* * *

Уйти в себя: там как на дне,
Где умирают тени, звуки.
И тянет прошлое ко мне
Свои невидимые руки.

Оно врасплох застанет днём,
Вползёт сквозь щели тёмной ночью
Липучим бредом, тяжким сном,
Чтоб рвать и рвать мне сердце в клочья.

Не разомкнуть печальный круг,
Потерян счёт уже отметин,
И вязну в этом, как паук,
Что разбросал удавки-сети.

* * *

Родилась я, где сеют и жнут,
В отдалённом краю захолустном.
Там такие же люди живут
Небогато, смиренно и грустно,
Чья душа не зачахла от бед,
Кто под ветром не клонится встречным,
И к земле аж с младенческих лет
Прикипает всерьёз и навечно.

* * *

Грущу с улетающей стаей,
А всё остальное — пустяк.
И то, что я слёзы мотаю
На маленький женский кулак.

Частенько тоскливо-безликой
Бреду вечерами домой,
И скрыть невозможно улики,
Про возраст кричащие мой.

И то, что покой только снится,
И что не могу напролом,
А в небе парящая птица
Мне машет печально крылом.

Бываю нелепой и грубой,
И нежной, как всякая мать,
И что мои мягкие губы
Отвыкли тебя целовать.

Пустяк, что бываю незрячей,
Обманутой целой страной.
Меня ты, наверно, иначе
Не звал бы любимой женой.

* * *

В жизни всё совсем не просто,
Не изменишь ничего.
Может, впрямь, потоплен остров,
Остров счастья моего.

Вили гнёзда там надежды,
А теперь пошли ко дну.
Осень. Сбросила одежды
Липа в стареньком саду.

В спины сторбленным проходим
Льёт луна прощальный свет.
Стала грусть моя похожа
На звезду, которой нет,

Но была. Сверкнув однажды,
Растворилась вдруг во мгле.
Вот и жизнь людская так же
Быстро тает на земле.

И, охваченные страстью,
Рвут рубахи сторяча,
Ищут люди тщетно счастья,
Смотрят в небо и молчат.

* * *

Я давно уже стала слепа.
Серым дождиком
 Бродит по миру тоска,
Нашей поздней любви
Размывая чуть видимый след.

Помню я, как гудела толпа
И скулил рядом
 Пёс, может, ласки искал,
А сквозь плен облаков
Рвался свет неизвестных планет.

Собираю дождевики в ладонь,
И они превращаются
 В быстрый ручей.
Где-то там, вдалеке —
Потемневший загадочный лес.

Зажигается в окнах огонь,
И котёнок промокший,
 Наверно, ничей,
Лижет воду из луж,
Как с осколков Вселенских небес.

* * *

Как длинны беспросветные ночи,
Но ещё тяжелей вечера.
Моё «завтра» разорвано в клочья,
И нет места в минувшем «вчера».

Я скрываюсь в потерянном прошлом.
Рада в рай, да грехи не дают.
Мне б подумать сейчас о хорошем,
Обрести хоть на время приют.

Разорвав все гнетущие цепи,
Не сойти бы при этом с ума.
Кто бездарно судьбу мою лепит?
— Ах, простите, леплю я сама.

Видно, мастер я, но захудалый,
Или глина попалась не та.
Быть счастливой уже запоздала,
А несчастной — одна маета!

* * *

Идут века — всё те же лица,
То сон как жизнь иль жизнь как сон?
Мне суждено было родиться
Под злое карканье ворон.

Чтобы, открыв однажды сходство
Деяний, помыслов, идей,
Вдруг ощутить своё сиротство
Среди трамваев и людей,

Борьбы, сует, пустых стараний,
Молчанья, злобы и обид
И мир жалеть, который ранен,
А завтра может быть убит.

Спешить, бежать, толкаться между
Домов безликих и машин,
Но знать, что где-то, там, надежда
Живёт на краешке души.

Она трепещет, словно птица,
Как света всполохи во мгле,
И ради этого родиться,
Наверно, стоит на земле.

* * *

Куда бы нас судьба ни заносила —
Так много в мире разных мест и стран, —
Но будет сниться по ночам Россия,
Берёз её манящий тонкий стан,

Бескрайность неба, солнечные дали,
В ромашках поле, синяя река...
В своей мы жизни много повидали,
Но ближе нет родного уголка.

Хотя живём не столь уж и богато,
Здесь зной пронизан золотым дождём,
И, отлюбив всё преданно и свято,
Мы в землю эту навсегда уйдём.

ЮНЫЙ ПИАНИСТ

Упал с ветвей последний лист,
Мирясь с незримой чьей-то властью,
А в клубе юный пианист
Своё сердечко рвёт на части.

По клавишам скольжение рук —
Легко, порывисто и плавно,
С каких глубин исходит звук,
Чтоб здесь рыдать о самом главном?

Изнемогает виртуоз,
Крушит в себе миры и страны,
А рядом с ним букетик роз,
Как кровоточащая рана.

Всё дивной музыкой сказал —
Открытой, трепетной и правой.
Взорвался изумлённый зал
И потонул в восторге: «Браво!»

И вправду, значит, человек
Жив не единым только хлебом.
Не потому ли в смутный век
Земля роднится кровно с небом?

* * *

Куда ж ты отсюда, родненький?
Навряд ли найдёшь красивей.
Здесь вороны, словно родинки,
На светлом челе России.

Деревья тут златокудрые,
Лишь чуть их подкрасит осень,
И первым снежком припудрены
Макушки высоких сосен.

Как девки они фартовые —
Изменят и стан, и лица,
Лишь май поразвесит новые
Небес голубые ситцы.

И всех занимают новости:
Как ветер-охальник блудит,
Целуя без всякой совести
Берёз молодые груди.

Давно по округам славится.
Отлюбит и спит в овраге.
Напрасно ревут красавицы,
Что взять-то с него, бродяги?!

* * *

Мир вокруг и радостен, и светел,
Птичьи стаи тают в облаках.
Нет прекрасней женщины на свете,
Что идёт с младенцем на руках.

Где ступает, зеленеют травы,
И хмелеет от цветенья лес,
Она мать и счастлива по праву —
По велению высшему небес.

Облик кроткий, будто бы с иконы,
Всё сулит ей радость впереди,
И смеётся юная мадонна,
Прижимая Ангела к груди.

* * *

Мне бы только теперь не пасть,
Когда в небо бежит волна,
И не важно, какая власть,
И кому, и зачем дана.

Ты плюёшь на свои грехи,
Тьфу — Америка, тьфу — Китай,
И ко мне: «Почитай стихи,
Только грустные не читай».

Ворохни, где совсем спеклось
И осталась одна зола,
Разве можно нам нынче врозь,
Когда в мире так много зла.

Когда бьют каждый раз поддых,
Нам бы с новой начать строки,
И беречь-уберечь родных
На ладони своей руки.

* * *

Догораю тихо, словно
В храме тонкая свеча.
Стала я немногословна
И скупа давно в речах.

Счастье медленно уплыло...
Может, жизнь жила не ту,
Я под тем, что есть и было,
Подвожу сама черту.

Собираю, подытожив,
Чувства в крепкую узду.
Жизнь моя теперь похожа
На угасшую звезду,

На коней, вперёд гонимых.
Как ты их ни улещай,
Всё равно промчатся мимо,
Не махнут: «Прости, прощай!»

Пусть назад дороги нету
И мой путь теперь во мгле,
Верю, что добра и света
Ещё много на земле.

* * *

Ты смотришь устало, любимый?
Ну что же, давай помолчим.
Любовь моя — словно рябина,
Наверное, так же горчит.

В ней все мои ранние слёзы,
В ней боль неизбежных утрат.
Я слышу, как плачут берёзы,
Теряя последний наряд.

И в медленном листьев круженье,
Загадочном танце теней,
Как будто судьбы отраженье
И жизни, твоей и моей.

Грустит за окошком дорога,
Изгиб её тает в ночи.
Прошу я тебя, ради Бога,
Давай помолчим, помолчим.

* * *

Как сегодня мир всем нужен!
Нам Россия — общий дом.
Лихолетие откружит,
Что останется потом

Нашим детям, нашим внукам —
Помертвевшие поля?
Из глубин я слышу звуки:
Плачет матушка земля.

Как ей распри надоели!
Где ж вы, верные сыны?
Спит младенец в колыбели
И цветные видит сны.

ВЕЧЕР

Солнце скрылось за ветками сада,
Горизонт незаметно потух.
Гонит шумное, сытое стадо,
Весь намаявшись за день, пастух.

И под хор неуёмных лягушек,
Доносящийся издалека,
По дворам разбредутся пеструшки —
Хватит всей детворе молока! —

Принеся горький запах полыни,
Мух сгоняя хвостом на ходу.
Ну, а речка тихонько обнимет
Восходящую в небе звезду.

* * *

Знать хотим, а знаем мало —
Нам сие не по уму.
А звезда с небес упала,
Разрывая светом тьму,

В вечность канула дорога,
Ворон в воздухе кружит.
Поживём ещё немного
И поймём, быть может, жизнь.

Пригвоздим к дверям подкову,
Чтоб тянулся к дому свет.
Умирать у нас не ново,
Как сказал один поэт.

Только в этом разве дело?
Жить-то также не новей.
Снег в России белый-белый,
Нет его нигде белей.

И тропинка, и церквушка,
В ярких искорках сугроб.
Семенит вдали старушка
И поспешно крестит лоб.

И уходит, словно тает,
Как свеча в полночной мгле.
Так живём и умираем
С вечной тайной на земле.

* * *

Добро и зло, паденье, взлёт —
То, из чего весь мир наш соткан,
А дождь который день идёт,
Стучит в заплаканные окна.

Через завесу тёмных штор
Сквозят безудержно печали.
Я помню, помню до сих пор,
Как мы о главном промолчали,

И как метался лампы свет,
Ища пристанища в пространстве.
На пике горестных побед
Взошли ростки непостоянства.

И звёзды скрылись под плащём,
Земля на миг несчастней стала.
Ты мной давно уже прощён,
И вздох остался до финала.

* * *

Устала ходить я по краю,
Да, видно, не вышел мой срок.
В душе незаметно растает
Надежды скупой огонёк.

И сколько себя ещё мучить,
Чтоб чей-то исполнить каприз?
А птицы, разбившись о тучи,
Безжизненно падают вниз,

Туда, в неизвестные дали,
В глухой увядающий лес,
Где мощью своею раздавит
Холодная бездна небес.

Блуждая в затерянных чащах,
Забуду дорогу домой,
И облаком грусти щемящей
Зависнет туман надо мной,

Обнимут цветы луговые,
Прижавшись к берёзе щекой,
Я, может быть, в жизни впервые
Почувствую в сердце покой.

* * *

Бабка старая слегла —
Несть устала бремя.
Всё крепилась, как могла,
Знать, пришло время.

Ей вдруг вспомнились обман
В жизни, боль и беды,
Да пришёл отец Иван,
Бабку исповедал.

Тело хворое крестил,
Покаянье слушал
И словами: «Бог простит» —
Облегчил ей душу.

Поутихла детвора,
Бабке Насте внемлют:
— Хватит, деточки, пора,
Потоптала землю.

Пропустив воды глоток,
Шелестит губами:
— Мне бы силушки чуток,
Чтоб проститься с вами.

Оставляю, значит, вас.
Не бросайте кошку.
Ветер ей последний раз
Постучал в окошко...

От души всплакнёт народ:
— Вот и убралася.
А в дому теперь растёт
Внученька Настасья.

ОДИНОЧЕСТВО

Говорил: «А будь что будет!»
Ты меня совсем не слушал,
И с тех пор озявшим людям
Я не лезу больше в душу.

Быть не рвусь с утешным словом
В нужный час и в нужном месте.
Я-то знаю, мне не ново:
Когда врозь, когда не вместе —

Всё тогда в душе постыло,
Жгут безжалостней напасти.
Где горело и остыло,
Там не бьют хрусталь на счастье.

Удивляет лишь, как слепо
Нами жизнь с рожденья вертит.
Это глупо и нелепо —
Жить так долго после смерти!

* * *

Паучки сплетают сети,
Змей пускает ребяшня,
А в карманах только ветер
Поселился у меня.

Гаснут солнечные дали,
Подружившись с вечной тьмой.
— Моего вы не видали,
Не вернулся он домой?

Заблудился, знать, в округе
Иль, сердешный, занемог?
Может, к давешней подруге
Заглянул на огонёк?

Кошка рот в тепле разявит,
Выгнет спиночку дугой.
— Где наш шляется хозяин,
Видно, любитя с другой?!

Дышит холодом подушка,
За окном жужжит оса.
Оторву башку кукушке,
Что горланит на часах.

Отразился месяц в луже,
Огонёк дрожит свечи.
Не снести ли псине ужин
С остывающей печи?

Стук... Пришёл. Кружусь — ни вдоха,
Только: «Господи, Еси,
До чего живётся плохо
Нашим бабам на Руси!»

* * *

Где любились мы —
 стынь да вороны,
Глухомань вокруг
 на все стороны.
Прочь скорей иди,
 коль не гожа я,
Не рукастая,
 с тонкой кожею.
Как расстались мы
 под осиною,
Ох, и плакала,
 голосила я.
Мне б вздохнуть вечор
 духа банного
И забыть тебя,
 окаянного.
Что ты был, что нет —
 чтоб без разницы,
С сердца вытравить
 и не казниться!

* * *

Омолодился сразу лес,
Умывшись Божьими слезами,
Метнули Ангелы с небес
Своими стрелами-глазами.

Какой восторг, какой уют!
Берёза шепчется с осиной,
Забывтый всеми ожил пруд,
Зовёт в свой омут тёмно-синий.

Утихли грозы и ветра,
Земля и небо отдыхают,
И только старая ветла
О чём-то горестно вздыхает.

ЗВЕЗДА

А что попутал меня бес,
Не в этом дело:
Звезда, летящая с небес,
Взяла, сгорела.

И что в делах за сбоем сбой —
Нельзя иначе:
Кто посмеётся над собой,
А кто поплачет.

Всё перетерпим! Ерунда,
Что нету масти!
Но кто придумал, что звезда
Сгорает к счастью?

Нас всех уму бы поучить,
Пока не поздно:
Мы не такие богачи,
Чтоб тратить звёзды.

И грустно мне не потому,
Что денег мало,
А то, что в небе на звезду
Вдруг меньше стало.

* * *

Выпадает такое нередко —
Жить изгоем в своей же стране.
Дух мятежный прославленных предков
Восстаёт и бунтует во мне.

Не могу быть с голодными сытой
И устроенной в жизни вполне.
Я себя ощущаю убитой
В той далёкой и близкой войне.

Я слеза, что не сохнет веками
На щеках беспризорных детей,
И с души не спадающий камень
В мире зла и безумных страстей.

Я в тоске уходящего лета,
Тайнах века, где бьются умы
В вечном споре меж силами света
И глухой поглощающей тьмы.

Мне близка бесприютность Отчизны.
Я в тебе и с тобой, моя Русь,
И всю жизнь от рожденья до тризны
Я страдаю, люблю и борюсь!

* * *

Где вы, светлые денёчки?
Захлестнуло стоном Русь.
Всё начать бы с новой строчки,
Я рискнуть не побоюсь.

Может, спит былая сила,
Что не слышит плач детей?
Как же долго нас носило
В вихре низменных страстей!

Эх, развеять бы напасти!
Что терпеть в стране содом?..
Примечталось мне о счастье —
Постучался ангел в дом.

ЛЁХА

Лёха хныкать напрасно не станет,
Пусть совсем ещё мал сорванец,
Но которую ночь уж буянит
Вдрызг его загулявший отец.

Он за мамку заступится смело:
— Нет, не тронь её, шёл бы ты спать...
Эх, мальчишечье это ли дело —
Да с родным-то отцом воевать!

И присев на просторном крылечке,
И найдя здесь надёжный приют,
Он запрячет подальше в сердечко
Всю недетскую горечь свою.

* * *

Мы замыкаем круг,
А он всё уже.
В сплетенье наших рук
Предчувствий ужас.

В сближение душ и глаз —
Превратность судеб.
Я помолюсь за нас —
И будь что будет.

Когда-нибудь шагнём
В разлуку-осень.
Испепелит огнём
И нас не спросит.

Вздыхаю об одном:
— Не вспомни лихом!..
Нас дождик за окном
Оплачет тихо.

* * *

Спокойно в родительском доме,
Но в нём я давно не живу,
И всё здесь до боли знакомо,
Как будто бы сон наяву.

Чуть слышно скрипят половицы,
Искусственный в вазе цветок,
Лампадка горит под божницей,
И мамин в углу шепоток.

Я с ней проведу этот вечер.
На тумбочке — снимок отца.
Здесь время мне кажется вечным
И встрече не будет конца.

Но надо прощаться, и всё же,
Хоть слёзы никак не сдержать, —
Спасибо за счастье, о Боже,
Что есть нас кому провожать.

СЧАСТЬЕ

Что-то очень грустной стала:
Всё тревоги да напасти.
Разобраться ж — очень мало
Нужно женщине для счастья:

Чтоб прошли невзгоды мимо,
Чтоб здоровы были дети,
А желанный и любимый
Звал единственной на свете.

* * *

Дорожки, тропочки, пути...
Дай Бог, в себе бы разобраться,
Когда нет силы, чтоб уйти,
И невозможно не расстаться.

Когда тонка меж нами нить,
Когда ножом по нежной коже.
Мы можем что-то изменить
И ничего уже не можем.

Когда опустится беда,
Ещё не ставшая виною,
И, как проклятие, года —
Те, что разделят нас с тобою.

Когда над лесом закружит
С надрывным криком птичья стая,
Вдруг станет ясно: это жизнь,
А в жизни всякое бывает.

* * *

Шумный праздник в Томылово,
Песни, шутки, смех и пляс:
— Сваха, милая, здорово,
Что проходишь мимо нас?

И дрожат изба и сенцы
Под весёлый гул и свист.
Вытворяет здесь коленца
Коля — знатный гармонист.

Ему в самом центре место,
В своём деле он мастак.
Тут же, в поисках невесты,
Кружит Лёша — холостяк!

Щиплет девок пышных, сдобных:
— Эх, народец, берегись!
Дед ругнёт его беззлобно:
— Лёшка — чёрт, угомонись!

Вдруг рассорятся ребята,
Хвать друг друга за грудки,
И летят — куда ухватят,
А куда и чугулки.

Запевает Лизавета,
Приподняв легонько бровь,
Про свиданье до рассвета
И несчастную любовь,

Про неверного залётку
И изменчивость подруг.
— Не жалея, народ, подмётки,
Выходи скорее в круг!

Дробь выстукивают ложки,
В такт им вторят каблучки,
И не пляшут только кошки
Да запечные сверчки.

За окном, под солнцем вешним,
Всё до срока расцвело.
Веселись, народец здешний,
И живи, живи, село!

ДЕД-ВОРЧУН

Сношка моет, жарит, парит,
Дед проклянется с печи:
— Кто в дому хозяин-барин?
Надька-сволочь, помолчи!

Дай-ка старому водицы!
Распустились все вконец!
Скрипнут грустно половицы.
— Ты б не лаялся, отец!

Дед вспылит теперь на сына:
— Цыц, уму когда учу!
Вот возьму побольше дрыну,
По башке-то настучу!

Мать за сына слово скажет:
— Больно ноне ты жесток!
Огрызнётся: «Ты — туда же?
Знай, Прасковья, свой шесток,

Не то словишь вместе тоже!
Вот батяня мой был крут:
Как возьмёт, бывало, вожжи
Иль в телеге толстый кнут —

Вжикнет энтим по хребтине
Не легонько, а всурьёз:
Кто в избу, кто в хлев к скотине
Разбегутся — не до слёз.

Хлеб — святое! Каждой крошкой
Дорожили на Руси.
Что не так, то по лбу ложкой
Вдарит, Боже упаси!

Старших крепко уважали,
И на них держался дом.
Бабы, знай себе, рожали,
Жили мужниным умом.

А теперь подай свободу
И учёных не учи.
Тьфу, дождусь я ноне воду
Или сдохну на печи?

Среди люда лада нету,
Словно бес меж них стоит,
Если что — сживут со свету,
Не посмотрят, что свои.

Вот как, значит, в жисти вышло —
Ни ругнуться, ни шумнуть.
У-у, козявки, пень вам в дышло,
Дайте деду отдохнуть!

Мать, неси тулуп овечий,
Что-то весь прозяб я тут.
Умереть по-человечьи
Видно, черти, не дадут».

Зря брехать-то нет охоты.
Взял тулупчик у снохи
И уснул, давясь зевотой:
— Ох, грехи мои, грехи!

* * *

Вдоль Чапаевки-реки,
Что впадает в русло Волги,
Старожилы-земляки
Доживают век свой долгий.

За спиной у них года
Жизни трудной и несладкой,
Но спасала всех всегда
Мудрость прадедов и хватка.

Хоть не нажили добра,
Но любили, что есть силы,
В каждах избах и дворах
Песни вольные России.

Как-то прибыл журналист
Написать про них в газету,
Развернув свой белый лист,
Стал пытаться про то и это.

Курят молча мужики,
Слов пустяшных не обронят,
Пряча робко в пиджаки
Огрубевшие ладони.

Много выпало хлебнуть,
А не знают, что ответить:
— Мы уж, ладно, как-нибудь.
Что про нас-то? Жили б дети!

* * *

Там, где сосны-великаны,
Дом бревенчатый с трубой,
Кто-то машет из тумана
И зовёт меня с собой.

Что за странная забава
Или грустная игра?
Как любовная отравы,
Что уводит со двора.

Неподвластная рассудку,
Эта сила правит всем.
Выйду только на минутку —
Затеряюсь насовсем.

Перепутав зиму с летом
И где чёт, а где нечёт,
Так смешиваю тьму со светом,
Что и чёрт не разберёт.

Карта, зная, ещё не бита,
Закружилась голова.
Всё, что было, — позабыто,
А что будет — трин-трава!

* * *

Поутихли вьюги и метели,
Март их скопом всех в охапку сгрёб,
Лишь в тени густых мохнатых елей
Притаился маленький сугроб.

Девушка-Весна румянит окна,
И Зиме зачитан приговор.
Глядь, уже лучами солнца соткан
На пригорке шёлковый ковёр.

Встрепенулись галки и синички,
В птичьем царстве нынче шум и гам,
А Весна берёзонькам-сестричкам
Выдаёт, не медля, по серьгам.

Деревца счастливые, как дети,
Примеряют новое рядно,
Радуга же вышьет семицветьем
Неба голубое полотно.

* * *

Равнины и дубравы,
Бескрайние луга,
И никнут, никнут травы
Доверчиво к ногам.

Щебечут птицы в гнёздах,
И стал добрее лес,
А маленькие звёзды
Роняют свет с небес.

И поле, и ромашки —
От них земля бела.
Наверное, в рубашке
Нас мама родила.

Нет зависти и злости,
В душе царит покой,
Дощатый старый мостик
Склонился над рекой.

И мир как будто ожил,
Лишь дождь грибной прошёл.
Ликуют люди: «Боже,
Как жить-то хорошо!»

* * *

Кружились листья и цветы,
Склонялось солнце надо мною,
А мы парили — я и ты
Меж небом томным и землёю.

Мир так божественен и тих,
Когда граничит с явью небыль.
Я видела, в глазах твоих
Плескался синий омут неба.

Никто не ждал угроз зимы,
Казалось, всё ещё в начале.
Как безмятежны были мы
В преддверье будущей печали.

* * *

Много дыма, мало света,
Воля вольная с хлыстом,
А земле грозят кометой
С огнедышащим хвостом.

То дефолт, то катаклизмы,
Что с ума бы не сойти.
От рождения до тризны
Сокращаются пути.

Нахлебавшись вдоволь худа,
Мир не стал ничуть добрей.
Повылазили Иуды
Из невидимых щелей.

Сиротливо и убого
Смотрит Русь, сомкнув уста.
Видно, ждать уже немного
До пришествия Христа.

РОДНИКИ

Городу Чапаевску посвящается

Где бы нас по земле ни носило,
Вдалеке от родных берегов,
Этот маленький город России
Манит песней своих родников.

Единит с ним и травка, и кустик,
И речушка с железным мостом.
Наша Родина нас не отпустит
Никогда: ни сейчас, ни потом.

Может, здесь и неяркие звёзды
Будоражат сердца и умы,
Да в свои возвращаются гнёзда
Журавли после долгой зимы.

Видно, правда — ни людям, ни птицам
Не порвать эту тонкую нить.
Здесь нам выпало счастье родиться,
Здесь и будем творить и любить!

* * *

Всё утро колокол звонит,
Рассеяв сумрак долгой ночи,
И что-то там, в груди, болит,
И вырваться на волю хочет.

Как его песня хороша,
В ней и сама, глядишь, оттаю,
А что так мается душа —
О том Господь один лишь знает.

Она сближает и роднит
Ушедших всех и нас, живущих.
Всё утро колокол звонит,
Благословляя день грядущий.

* * *

Становлюсь с годами строже,
Поборов огонь страстей,
И прошу: «Не дай мне, Боже,
Пережить своих детей.

Чтоб рождалось много внуков,
Наша смена, кровь и плоть.
Но не шли им те же муки,
Что мы вынесли, Господь!

И спаси страну — Россию,
Ведь она — наш общий дом,
Чтоб у всех хватило силы
Навести порядок в нём.

Пусть смертей лихих не будет,
Чтоб всё лучшее — сбылось
И спокойно в мире людям
И любилось, и жилось!»

ДРУЗЬЯ УХОДЯТ В МИР ИНОЙ

Посвящается А.П. Бондаренко

Друзья уходят в мир иной,
И освещён тот путь свечами.
Их лица снова предо мной
Встают бессонными ночами.

Мелькают скорбной чередой,
И я опять о прошлом плачу.
Смириться трудно с той бедой,
Но надо жить. А как иначе?

Друзья уходят в мир иной.
Такая грусть в душе, усталость,
Как будто и меня самой
Чуть меньше на земле осталось.

* * *

Ворвался пламенем зари,
Вошёл ты в душу звонкой песней,
Хоть ничего не говорил
О жизни, прожитой не вместе.

Зачем мне знать, я не хочу,
О том, что должно и как надо?!
Я цену горькую плачу
За эту кротость листопада.

Твои глаза – живой родник,
Они без слов всё скажут сами.
Нас возраст осени роднит,
О чём жалеть? Всё наше – с нами.

И я то плачу, то смеюсь,
На сердце радостно и звёздно.
О счастье ты моё, о грусть,
Зачем же встретились так поздно!..

СОДЕРЖАНИЕ

«К небу тянутся звёздные реки...».....	3
Заветное слово.....	4
«Шёпот ветра. Паутинки...».....	5
Стезя	6
Дядя Ваня.....	7
«Всерьёз не думала, конечно...»	8
«Шорох листьев о чём-то вещает...».....	9
«Все перечёркнуты страницы...»	10
«И зачем свою жизнь я гублю...».....	11
«Бежать от Родины негоже...»	12
«Может, просто сдали нервы...»	13
«В тарелке хлеб, селёдка, сыр...»	14
«Зачем вы поёте нездешние песни...»	15
«Бьётся ветер — удар его хлёсткий...»	16
«Может, правда, оплакивать поздно...».....	17
«Тая неясную тревогу...»	18
«Не отреклась и не забыла...»	19
«Буду и стоном, и вздохом...».....	20
Дождь.....	22
«В поступках я и ты — вольны...»	23
«Нет, не простая...»	24
«Ни в чём не будем зарекаться...»	25
«...Осень рыжим махнула хвостом...»	26
«Нашей встречи узорные нити...».....	27
«Оглох давно уже причал...»	28
Стараюсь быть я твёрдой	29
«Межсезонье, межсезонье...».....	30
«В листьях берёз, в запустелом саду...»	31

«Её он бросил, точно бросил!...»	32
Юра Татьяне	33
Бабка Настасья	34
«Всё непременно близится к финалу...»	36
«Не засветятся ночи лунами...»	37
Отцу	38
«В прошлом всё и желанно, и мило...»	40
«Я грустить понапрасну не буду...»	41
Старики	42
Внуку Ярославу	44
«Весь мир объяла тишина!...»	45
«Кто завтра уходит, Бог весть...»	46
«Нас время и било, и мяло...»	47
«Не печалься, зачем, человече...»	48
«Только б не упасть, не оступиться...»	49
«Ничего в этой жизни не держит...»	50
Не исчезай	51
Улететь бы	52
Вопросы	53
Детство	54
«Потонут звёзды в сумеречной мгле...»	55
«И я жила, топтала вёрсты...»	56
«Он падших духом убеждал...»	57
«А мне давным-давно не тридцать...»	58
«Мир доселе не изучен...»	59
«И кто это всё пророчит...»	60
«Деревья, поле и траву...»	61
«Давний грех — не сор в дому...»	62
«Что ж ты замер, словно пень...»	63
«Зачем ты плачешь у плетня?...»	64
«Кругом овраги да откосы...»	65
«А в голове — сплошной обвал...»	66
«Разыскать бы затерянный остров...»	67
«За что ни берусь...»	68
«А этот маленький причал...»	69

«Птахе, слывшей самой певчей...».....	70
«Уже не помню...».....	71
«А когда ещё не было поздно...»	72
«Уйти в себя: там как на дне...».....	73
«Родилась я, где сеют и жнут...»	74
«Грущу с улетающей стаей...»	75
«В жизни всё совсем не просто...».....	76
«Я давно уже стала слепа...».....	77
«Как длинны беспросветные ночи...»	78
«Идут века — всё те же лица...»	79
«Куда бы нас судьба ни заносила...»	80
Юный пианист	81
«Куда ж ты отсюда, родненький?...».....	82
«Мир вокруг и радостен, и светел...»	83
«Мне бы только теперь не пасть...»	84
«Догораю тихо, словно...».....	85
«Ты смотришь устало, любимый?...»	86
«Как сегодня мир всем нужен!...»	87
Вечер	88
«Знать хотим, а знаем мало...»	89
«Добро и зло, паденье, взлёт...»	90
«Устала ходить я по краю...»	91
«Бабка старая слегла...»	92
Одиночество	94
«А время пришло собирать...».....	95
«Паучки сплетают сети...».....	96
«Где любились мы...»	98
«Омолодился сразу лес...».....	99
Звезда.....	100
«Выпадает такое нередко...»	101
«Где вы, светлые денёчки?...»	102
Лёха	103
«Мы замыкаем круг...»	104
Счастье	106
«Дорожки, тропочки, пути...»	107

«Шумный праздник в Томылово...»	108
Дед-ворчун	110
«Вдоль Чапаевки-реки...»	112
«Там, где сосны-великаны...»	114
«Поутихли вьюги и метели...»	115
«Равнины и дубравы...»	116
«Кружились листья и цветы...»	117
«Много дыма, мало света...»	118
Родники	119
«Всё утро колокол звонит...»	120
«Становлюсь с годами строже...»	121
Друзья уходят в мир иной	122
«Ворвался пламенем зари...»	123

Литературно-художественное издание

Татьяна Вениаминовна Кижайкина

ЛЮБИТЬ И ПОМНИТЬ

Стихи

Книга издана за счёт средств бюджета Самарской области

Самарская областная писательская организация
искренне благодарит за поддержку и помощь
в реализации проекта
«Народная библиотека Самарской губернии»
Ольгу Васильевну Рыбакову,
Лидию Алексеевну Анохину

Руководитель проекта
«Народная библиотека Самарской губернии»
Александр Громов

Корректор — *Алексей Сыромятников*

Издание подготовлено издательством

«Русское эхо»

Самарской областной писательской организации
Адрес: 443001, г. Самара, ул. Самарская, 179,
телефон (846) 333-48-01

Подписано в печать 21.04.2015. Формат издания 84x108/₃₂.

Объём 6,72 печ.л. Гарнитура Georgia.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Медиа-Книга»
443070, г. Самара, ул. Песчаная, 1; тел.: (846) 267-36-82
e-mail: izdatkniga@yandex.ru